

„МЦИРИ“ ЛЕРМОНТОВА.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ, согласно правильному указанію акад. Овс.-Куликовского, по основному укладу психики, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „эгоцентрическихъ натуръ“¹⁾ Такія природы характеризуются неизмѣннымъ ощущеніемъ своего я, склонностью противопоставлять себя всему прочему. Въ своемъ художественномъ творествѣ поэты такого уклада либо воспроизводятъ себя цѣликомъ, либо отражаютъ въ созданныхъ образахъ отдѣльныя черты своей души. „То-же самое находимъ и у Лермонтова: его душа, его натура, его внутренній міръ проходитъ передъ нами въ рядѣ образовъ“²⁾,—отъ Демона первыхъ редакцій до Печорина. Въ этомъ причина тѣснѣйшаго сходства вѣхъ героевъ Лермонтова: въ той или иной степени они—самъ поэтъ, все въ новыхъ костюмахъ, въ новой обстановкѣ.

Въ 1830 г. въ сознаніи шестнадцатилѣтняго Лермонтова появилась мысль изобразить своего постыднаго героя въ монастырской средѣ. Для свободолюбиваго, неумѣющаго ничему подчиняться поэта, жизнь въ монастырѣ представлялась мрачной, угнетающей. Его увлекло противоположеніе такого уклада монастырскаго быта и души героя, какъ часто у Лермонтова,—страстной и бушующей (поэма „Исповѣдь“). Лермонтовъ въ это время увлекался Испаніей (срв. трагедію „Испанцы“, первую редакцію „Демона“), и поэтому сдѣлалъ своего героя испанцемъ. Въ этомъ незрѣломъ произведеніи много неяснаго. Герой поэмы—юный, пылкій монахъ—за что-то заключенъ въ монастырскую тюрьму. Его исповѣдь выслушиваетъ „старецъ дряхлый и сѣдой“. Трудно сказать точно, въ чемъ вина юноши. Но онъ часто воспоминаетъ чью-то улыбку, милый взглядъ, свѣжія уста и, какъ мечта, сладкій голосъ. И когда его казнили, могильный звонъ донесъ вѣсть о его смерти до сосѣдняго женскаго монастыря. Тогда изъ устъ одной изъ дѣвъ—обительницъ его—вырвался слабый, предсмертный крикъ.—Образъ молодого монаха не оставялъ творческаго сознанія Лермонтова. Въ 1831 г. онъ отмѣтилъ у себя въ тетради: „написать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы“³⁾. Видимо, „Исповѣдь“ не удовлетво-

¹⁾ Овс.-Куликовский. Лермонтовъ. СПб. 1914 Стран. 5. ²⁾ Тамъ-же, стран. 16.
³⁾ Академическое изданіе соч. Лермонтова, т. IV, стран. 355.

рила его. „Страстная душа“ была видна въ героѣ поэмѣ. Но „идеалы“ трудно было бы отмѣтить въ его стремленіяхъ.—И вотъ черезъ 4 года онъ возвращается къ своей попыткѣ („Бояринъ Орша“ 1835 г.). Предъ нами уже старинная Русь эпохи Іоанна Грознаго (поскольку ее зналъ молодой поэтъ). Герой—воспитанникъ монастыря, потомъ отданный боярину Оршѣ въ „рабство“. Загадочное содержаніе „Исповѣди“ проясняется: герой уже явно полюбилъ дѣвушку, дочь своего властителя; его застаютъ съ ней и судятъ въ монастырѣ. Онъ, какъ и въ „Исповѣди“, произноситъ монологи о правахъ страстнаго сердца, часто просто повторяя слова своего предшественника. Но финальъ вноситъ новый мотивъ: герой, оказывается, нашелъ въ лѣсахъ лихихъ товарищей, для которыхъ не святъ людской законъ; они освобождаютъ его,—но его милая уже умерла изъ-за безжалостнаго отца.. Въ поэмѣ важенъ одинъ мотивъ въ исповѣди героя: еще когда онъ жилъ въ монастырѣ, пришло ему въ мысль убѣжать изъ монастыря, чтобы „узнать для воли иль тюрьмы,—На этотъ свѣтъ родились мы“. Намъ неизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ побѣгъ, и какъ Арсеній (герой „Боярина Орши“) попалъ обратно въ свою обитель. Но поэтъ не забылъ мотива побѣга изъ монастыря и обработалъ его черезъ пять лѣтъ (въ 1840 г.) въ поэмѣ „Мцири“. Здѣсь та-же исповѣдь сердца, часто тѣ-же самые стихи. Но дѣйствие перенесено на Кавказъ; онъ былъ поэту гораздо болѣе извѣстенъ; чѣмъ эпоха Іоанна, и далъ ему много красокъ для творческой кисти. Совѣтъ на второй планъ отодвинулась любовная исторія, которая промелькнула въ жизни героя, какъ видѣніе. Зато усилился элементъ „идеаловъ“ (см. замѣтку въ юношескихъ тетрадяхъ): вмѣсто любви, основнымъ факторомъ существованія Мцири (послушника) стали тоска по родинѣ и протестъ противъ угнетающаго индивидуальность монастырскаго уклада.

Детали поэмы объясняются рядомъ литературныхъ вліяній. Такъ пѣсня рыбки-русалки—подражаніе балладѣ Гёте „Der Fischer“, которую Лермонтовъ въ отрочествѣ началъ было переводить. Срв.

Лермонтовъ

Гёте

Дитя мое
Останься здѣсь со мной;
Въ водѣ привольно житье—
И холодъ и покой.

Ахъ если-бъ зналъ, какъ
рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

Любопытно еще сопоставить одно мѣсто изъ поэмы и такой отрывокъ изъ стих. Гёте „Свиданіе и разлука“:

И миллионномъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста
И сотней черныхъ глазъ
изъ-за куста
Смотрѣла темнота¹⁾

Что касается самой формы поэмы—исповѣдь умирающаго молодого монаха подь старымъ,—то Лермонтовъ могъ ее подслушать у Байрона, въ „Гяурѣ“. Общеизвѣстно то глубокое влияние, которое оказалъ знаменитый бардъ на нашего русскаго поэта. Въ частности, это влияніе сказалося и здѣсь. Но содержаніе исповѣдей совершенно различно. Центръ рѣчи байроновскаго героя—исторія его трагической любви; у Мцири—любовь играетъ второстепенную роль, и обстоятельство, сопровождающія ее, совсѣмъ иныя. Однако надо отмѣтить, что эта форма исповѣди могла попасть къ Лермонтову и не безъ влияния Козлова, игравшаго значительную роль въ начальномъ творествѣ нашего поэта. Рѣчь идетъ о поэмѣ Козлова „Чернецъ“. Сходство ея съ „Мцири“ „прежде всего замѣтно въ самомъ названіи... Далѣе, каждое произведеніе начинается съ описанія монастыря, въ которомъ протекаетъ все дѣйствіе поэмы. Въ обоихъ случаяхъ монастырь расположенъ близъ рѣки..., въ гористой мѣстности.. Въ обоихъ случаяхъ центральною частью поэмы, заполняющей почти всю ее, является исповѣдь умирающаго; между тѣмъ у Байрона въ поэмѣ „Гяурѣ“, послужившей отчасти образцомъ для обоихъ русскихъ авторовъ, исповѣдь занимаетъ гораздо менѣе значительную часть“²⁾

Существуетъ правильное предположеніе, что самый стихъ Лермонтова въ „Мцири“ образовался подь влияніемъ Байрона, точнѣе—подь влияніемъ его поэмы „Шильонскій узникъ“, въ переводѣ Жуковского. Бѣлинскій³⁾ восхищался „алмазною крѣпостью“ и блескомъ строкъ „Мцири“. Но какъ не вспомнить эти стихи, читая хотя-бы такое мѣсто изъ Байрона—Жуковского:

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ; лобъ наморщенъ мой,
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня⁴⁾

¹⁾ См. сб. „Вѣнокъ Лермонтову“, ст. Шувалова „Вліяніе на творчество Л-а русской и иностранной поэзіи“, стр. 320 и 321.

— Въ наукѣ существуетъ сомнѣніе, не взятъ ли этотъ образъ изъ одного стихотворенія Тютчева, гдѣ онъ тоже встрѣчается. Стихотвореніе Тютчева напечатано въ 1837 г. Но этотъ образъ попадаетъ еще въ поэмѣ Л-а „Сашка“ (гл. I, стр. CXLIIV; „... мракъ между вѣтвями—Отсюда смотритъ черными глазами“). Такъ какъ эта поэма написана въ 1836 г. то Лермонтовъ заимствовалъ интересующее насъ мѣсто непосредственно изъ Гёте.

²⁾ Б. Нейманъ. Отраженіе поэзіи Козлова въ творествѣ Лермонтова, Стран. 17. ПБГ. 1914.

³⁾ См. стат. „Стихотворенія Л-та“. Собр. соч. т. II. Изд. Югансона.

⁴⁾ Байронъ. Собр. соч. подь ред. Венгерова, т. II, стр. 13. СПб. 1905 г.

Болѣе важно то, что самъ герой поэмы Лермонтова, равно какъ его предшественники,—всѣ они, въ различной степени обнаруживаютъ явное родство съ „печальнымъ и мрачнымъ монахомъ“ изъ „Гяура“¹⁾ Правда, это сходство объясняется и тѣмъ, что всѣ герои Байрона, какъ и герои Лермонтова, въ сущности, одно и тоже лицо. „Разочарованье, апатія, скука, преждевременное знаніе, перевѣсъ духа надъ тѣломъ, неумиряющая мысль, какъ главная причина мучительныхъ, убійственныхныхъ страданій, непреклонная гордость, роковая сила судьбы и природы, несмиримое волненіе жизни, демонизмъ... являются въ различныхъ по имени, но тождественныхъ по значенію герояхъ Байрона... Отсюда перешли они въ созданія Лермонтова—Оршу, Арсенья, Мцири, Арбенна, Хаджи-Абрека, Измаиль-Бея, Печорина, Демона, тоже неодинаковыя именованья, но одинаковыя сущностью“²⁾. Въ частности, есть точки соприкосновенія именно Мцири съ Гяуромъ. Гяуръ молодъ, носитъ въ себѣ духъ мятежный. Его душѣ чуждъ покой, она мрачнѣе грозныхъ тучъ. Поступивъ, послѣ убійства своего врага и смерти своей возлюбленной, въ монастырь, онъ держится тамъ обособленно:

Онъ службу мрачно наблюдаетъ,
Но тотчасъ церковь оставляетъ,
Заслышавъ антифонъ святой,
Надъ преклоненною толпой.
Стоитъ онъ мрачно въ отдаленѣ,
Пока не кончится моленье.³⁾

Ему предстоитъ смерть, но онъ не печалится:

Что смерть? Съ улыбкою храбрецъ
Встрѣчаетъ доблестный конецъ...
Кто далъ мнѣ жизнь, пускай же тотъ
Теперь назадъ ее беретъ⁴⁾.

Онъ не раскаивается ни въ чемъ:

Да, я умру, но я любилъ,
Я радость сердца ощутилъ,
И хоть моя печальна доля,
Ее моя-жъ избрала воля⁵⁾.

Какъ не узнать въ этихъ чертахъ Лермонтовскаго Мцири? Пѣнный ребенокъ, онъ выросъ въ стѣнахъ монастыря, но ни строгій уставъ, ни мучительная болѣзнь не сломили его молчаливаго духа, унаследованнаго отъ отцовъ. Чуждый ребяческихъ утѣхъ, онъ всегда былъ одинокъ. Предъ самымъ моментомъ постриженія онъ убѣжалъ изъ монастыря. И даже теперь, вернувшись, по ошибкѣ, послѣ трехъ дней скитанья, въ свою „тюрьму“, онъ гордо произноситъ свою исповѣдь.

¹⁾ Дюшенъ. Поэзія Лермонтова, стр. 93—94. Казань. 1914 г.—

²⁾ Галаховъ. Лермонтовъ. Русск. Вѣстн. 1858, июль, 2-я, стр. 288.

³⁾ Байронъ. Собр. сочиненій подь ред. Венгерова, т. I, стр. 239. СПб. 1904.

⁴⁾ Стран. 242.

⁵⁾ Стран. 243.

Это—огненная, неукротимая душа. У него—„пылающая грудь“; „пламень съ юныхъ лѣтъ таяся жилъ въ груди“ его. Онъ „молодь, молодъ“; въ немъ бушуютъ „разгульной юности мечты“.

Но, какъ всякій могучій духъ, онъ нѣсколько одностороненъ. Въ немъ живетъ одна, но пламенная страсть; онъ имѣетъ одну, но неизмѣнную цѣль: пройти въ родимую страну. И эта страсть влечетъ его изъ стѣнъ монастыря въ причудливое странствованіе на неизвѣстную родину; она позволяетъ ему превозмочь страданья голода; она заставляетъ его преодолѣть пылкія думы любви къ грузинкѣ молодой—и продолжать свой тяжкій путь.

Такая душа хочетъ прежде всего свободы, монастырь для нея всегда—тюрьма. Ей дорога иная стихія, прямо противоположная—стихія бѣшеныхъ сраженій. Кровь воинственныхъ предковъ бурлитъ въ немъ. Не даромъ онъ съ любовью вспоминаетъ оружіе своего отца. Еще въ душевнѣйшій кельѣ онъ грезилъ о мирѣ „тревогъ и битвъ“. Колоколь утромъ не разъ сгонялъ съ его глазъ „видѣнья сновъ живыхъ про волю дикую степей, про вольныхъ бѣшеныхъ коней“, про битвы чудныя, гдѣ всѣхъ одинъ онъ побѣждалъ. Онъ чувствуетъ, что въ родномъ краю онъ былъ-бы не изъ послѣднихъ удалцовъ, и дивная картина битвы съ барсомъ подтверждаетъ это предположеніе.

Для бойца и героя не можетъ быть страшна смерть. Его могила не страшитъ: „тамъ, говорятъ, страданье спитъ въ холдной вѣчной тишинѣ“. Когда онъ спускается, во время скитаній, со скалъ къ ручью—и каждую минуту можетъ разбиться, смерть ему снова кажется не страшною, такъ какъ сильна его вольная юность.

Не можетъ быть для него и раскаянія. Во время своихъ скитаній онъ страдалъ, но жилъ полной жизнью. Ничѣмъ нельзя замѣнить этой радости, и, безъ этихъ дней, его жизнь была-бы мрачнѣе старости.

Конечно, эта бурная и могучая душа должна себя чувствовать одинокой среди мелкихъ и боязливыхъ душъ, которыхъ пугаетъ даже гроза. Отсюда его гордость, боязнь „позора жалости“ монаховъ, слезы—только наединѣ, когда ихъ никто не можетъ увидѣть. И даже въ послѣднія минуты, предчувствуя смерть, онъ проситъ отнести себя подальше отъ людей, въ глубь заросшаго сада.

Эта предсмертная просьба очень характерна. Люди ему болѣе чужды, чѣмъ природа. Ни къ кому изъ окружающихъ не питаетъ онъ нѣжныхъ чувствъ. Природа ближе ему, чѣмъ человѣчество, а съ бурей—онъ бы радъ обняться, словно брать. Онъ любитъ себя сравнивать съ цвѣтами. Ему кажется, что онъ похожъ на блѣдный цвѣтокъ, выросшій въ темницѣ. Когда на разсвѣтъ дохнули сонные цвѣты, то, какъ они, навстрѣчу дню онъ поднялъ голову свою. Ему раскрыты тайны природы.

Онъ угадываетъ думы скалъ, раздѣленныхъ потокомъ и жаждающихъ снова сойтись. Ему внятнѣе вѣчный споръ бушующей рѣки съ упрямой грудой камней. Онъ не даромъ прислушивается къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ птицъ, что шепчутся по кустамъ о тайнахъ неба и земли. Онъ тонко слышитъ и еще тоньше видитъ. Миръ для него—Божій садъ, и Мцири замѣчаетъ въ немъ такія краски, переходы, оттѣнки, которые незримы для непосвященнаго глаза: зубцы скалъ надъ блѣдною полосой свѣта; выси горъ, курящіяся какъ алтари; гроздыя винограда—серегъ подобье дорогихъ; полудобой дымокъ надъ плоской кровлей; серебристую бахрому вершины цѣпи снѣговой; шерсть на барсѣ, отливающую серебромъ... Это утонченное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственное воспріятіе міра чуждо обычному человѣческому сознанію. Запахи, звуки, очертанія онъ воспринимаетъ исключительно изошренно и рѣзко. Онъ истину лежитъ на лонѣ природы, не какъ человѣкъ, далекій отъ нея, а скорѣе, какъ красивое, сильное и чуткое животное.

И въ этомъ смыслѣ очень характерно, что онъ часто сравниваетъ себя со звѣрями. То онъ, какъ звѣрь, чуждъ людей. То онъ чувствуетъ себя рожденнымъ, подобно волкамъ, подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ. Онъ питаетъ искреннее уваженіе къ барсу, сраженному имъ въ лѣсу. И даже часто, по его мнѣнію, сравненіе его съ животными не дѣлаетъ ему чести. Могучій конь, сбросивъ сѣдока, нашелъ бы путь на родину. А онъ—вернулся къ своей тюрьмѣ: „что я предъ нимъ?“

Образъ этого пламеннаго, могучаго и нѣсколько односторонняго, свободолобиваго и героическаго, уединеннаго отъ людей и близкаго къ природѣ человѣка, разумѣется, какъ сказано выше, напоминаетъ байроновскихъ героевъ. Почти всѣ черты его характера были отмѣчены въ Гяурѣ, какъ могли бы быть найдены и въ персонажахъ другихъ произведеній англійскаго барда. Но стремленіе къ войнѣ болѣе свойственно, напр., Корсару, чѣмъ Гяуру, а любовь къ природѣ—ряду другихъ героевъ Байрона.

Конечно, не слѣдуетъ думать, что Мцири исключительно отраженіе прелестившихъ Лермонтова характеровъ. Какъ не разъ правильно указывали, Мцири—воплощеніе въ опредѣленномъ образѣ души самого поэта, но складъ этой души отчасти формировался подъ извѣстнымъ литературнымъ влияніемъ. Тѣмъ болѣе важно отмѣтить еще одну черту.

Не разъ изслѣдователями было указано, что съ годами бурная поэзія Лермонтова умиротворялась. Въ самомъ поэтѣ происходила какаятъ эволюція. Постепенно въ немъ исчезала „старинной ненависти ядъ“ къ людямъ, то злобное презрѣніе, которое онъ часто къ нимъ чувствовалъ. Поэтъ началъ интересоваться нѣкоторыми общественными вопросами. Нотки

мира, грустной кротости, порою—даже тихаго веселья стали исподволь звучать въ его нѣкогда исключительно мрачныхъ строкахъ. Эти новья и чрезвычайно любопытныя нотки пробиваются и въ поэмѣ „Мцири“. Подмѣчено это очень тонко Котляревскимъ: „Все въ этой поэмѣ пропитано личнымъ чувствомъ, не исключая и мирнаго финала, въ которомъ такъ много религіознаго смиренія. Мцири—герой очень мирно настроенный, хоть онъ и въ родствѣ съ демоническими натурами. Пусть онъ не желаетъ людской помощи, и былъ чужой для людей, но „людямъ онъ не сдѣлалъ зла“, и умеръ „рабомъ и сиротой“, „безъ проклятій, и съ вѣрой въ Бога“¹⁾. Это—уже не отъ Байрона. Это уже собственное, Лермонтовское. Ибо самъ Лермонтовъ ушелъ отъ людей—одинокій, но не проклинаящій.

В. Нейманъ.

Текстъ поэмы напечатанъ по изданію произведеній Лермонтова Академіи Наукъ.

Пособія для изученія „Мцири“ указаны въ сноскахъ къ вступительной статьѣ.

Поэма можетъ быть разобрана со слѣдующихъ сторонъ:

- 1) Исторія созданія „Мцири“.
- 2) Литературныя вліянія въ „Мцири“.
- 3) Отраженіе настроенія Лермонтова въ его поэмѣ „Мцири“.
- 4) Характеристика „Мцири“.
- 5) Природа въ поэмѣ „Мцири“.
- 6) Герои произведеній Лермонтова и „Мцири“.
- 7) Настроеніе героя „Мцири“ и лирика Лермонтова.

¹⁾ Котляревскій. Лермонтовъ, стр. 189. СПБ. 1904.

МЦИРИ.

Вкусая, вкусихъ мало меда, и
се азъ умираю.

1 книга Царствъ.

1.

Не много лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаясь шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовоный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забыть,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.
И Божья благодать сошла